

КТО Я: ОБРАЗ Л.Н. ТОЛСТОГО В ДНЕВНИКАХ 1891-1894 ГОДОВ

Г.В. Токарев

*Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка
e-mail: grig72@mail.ru*

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

В статье рассматриваются когнитивно-коммуникативные тактики самоидентификации Л.Н. Толстого в 1891 – 1894 годы. Исследование осуществлено методами сплошной выборки заданных фраз из дневников, их прагматической и когнитивной интерпретации. Фразы приведены к пропозициональной функции Я есть Х. Выявлено, что основная тактика, сложившаяся в дневниках прошлых лет, – самоуничижение, самоосуждение, порицание поступков, совершённых в молодости, – сохранена и в рассматриваемый период. Толстой ощущает свою старость, выражаемую в бессилии. Предстоящую смерть он воспринимает в светлом, позитивном ключе, как сад. Толстой идентифицирует себя с частью Бога, с его слугой. Осмысляет себя как посланника Божьего промысла. Однако данные идентификационные модели не полностью принимаются автором дневника. Препятствия, с которыми сталкивается Толстой, также рассматриваются им как объекты, на которые он опирается в процессе самоидентификации. К ним относятся комфорт, гонорары, похоть, слава. Выделенные тактики охарактеризованы как негативные, разрушающие и позитивные, вознаграждающие. Установлено, что тактики являются стабильными для процесса самоанализа в жизни Л.Н. Толстого. С одной стороны, Толстой занимается самобичеванием, самоуничижением, с другой – он находит выход для самоуспокоения в интеграции с божественным началом, дающим возможность увидеть смысл и предназначение в жизни. Выделенные тактики репрезентируются оценочно и эмотивно маркированной лексикой.

Ключевые слова: *автокоммуникация, дневник, самоидентификация, Л.Н. Толстой, когнитивно-коммуникативная тактика, лексика, пропозиция.*

Целью данной статьи является изучение когнитивно-коммуникативных тактик самоидентификации Л.Н. Толстого в 1891 – 1894 годы на основе ежедневных записей. Дневник представляет собой одну из форм автокоммуникации. Ю.М. Лотман отмечает мнемоническую направленность данного вида обмена информацией: «...человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определённых сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение которого без записи не происходит...» [Лотман 2000: 164]. Автокоммуникация может включать в себя процесс самоидентификации. Е.В. Леонова разграничивает понятия самопрезентации и самоидентификации [Леонова 2010: 71].

Данный подход мы считаем правильным, поскольку эти процессы имеют разные цели: самопрезентация направлена на представление своей личности, самоидентификация – на соотнесение себя с той или иной системой знаний о мире. Самопрезентация и самоидентификация нередко интегрируются. М.А. Лаппо пишет о том, что данные процессы тесно связаны и их сложно дифференцировать [Лаппо 2014: 32]. В когнитивном аспекте самоидентификация представляет собой концептуализацию субъектом самого себя. М.А. Лаппо определяет самоидентификацию как «...осознанное либо неосознанное вербальное, пара- и невербальное маркирование идентичности, т.е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей» [Лаппо 2014: 33]. Как видно из приведённой дефиниции, результаты самоидентификации категоризируются разными языками культуры: поведением, одеждой, речью и др. Главный же итог процесса самопонимания заключается в соотнесении личности с той или иной социальной группой или противопоставление ей. Процессы самоидентификации осуществляются на всём протяжении существования сознательной личности, однако степень их выраженности и динамичности может быть разной. На наш взгляд, это зависит от склонности личности к рефлексии. Т.Г. Галушко отмечает: «Рефлексия, как свойство человеческого мышления и обращенность сознания на себя, означает переход к самонаблюдению, к критическому самоанализу и самооценке» [Галушко 2018: 160]. Процесс самоидентификации необходим личности для объяснения, утверждения своих жизненных целей. Ю.М. Лотман отмечает влияние автокоммуникации на личность: «...передавая самому себе, он внутренне перестраивает свою сущность, поскольку сущность личности можно трактовать как индивидуальный набор социально значимых кодов, а набор этот здесь, в процессе коммуникационного акта, меняется» [Лотман 2000: 165]. Добавим, что самоидентификация осуществляется личностью не только для себя, но и для других в целях объяснения своей жизненной позиции.

Самоидентификация изучается в лексическом, грамматическом, психолингвистическом, лингвокультурологическом и др. аспектах. Для нас представляет интерес прагматический подход к самоидентификации. В лингвистической прагматике нет чёткого различения коммуникативно-прагматических тактик и стратегий. Так, Т.Б. Радбиль данные термины употребляет как синонимы, понимая и под речевой стратегией, и под речевой тактикой «последовательное применение определённых языковых средств и способов для реализации

коммуникативного намерения – интенции» [Радбиль 2006: 47]. На наш взгляд, понятия тактики и стратегии необходимо различать. Тактика связана с непосредственной реализацией прагматической интенции, выражением пропозициональной функции. «Под пропозициональной функцией понимается языковое выражение, имеющее – по внешней форме – вид высказывания... Но в действительности оно высказыванием ещё не является, так как в одном (или нескольких) из своих мест содержит обозначение переменной, X» [Степанов 1983: 8-9]. Стратегия же представляет собой замысел, план реализации последовательности тактик. Под когнитивно-коммуникативной тактикой самоидентификации мы понимаем речевой акт, имеющий целью саморефлексию и отражающий процесс самопознания, который связан с объективацией пропозициональной функции Я есть X.

Рассмотрим особенности самоощущения Л.Н. Толстого в возрасте 63-66 лет. Источником исследования стали дневниковые записи Л.Н. Толстого, объектом – фразы, отражающие саморефлексию, предметом – лексическая семантика данных выражений. Исследование осуществлялось методами сплошной выборки заданных фраз из дневников, их прагматической и когнитивной интерпретации.

Основная тактика, сложившаяся в дневниках прошлых лет, – самоуничтожение, самоосуждение – сохраняется и в рассматриваемый период. В дневниковых записях данного времени нередко фразы: *Противен сам себе.* (27 мая 1891) [Толстой 2006: 36]; *...я гадок себе до невозможности.* (25 июня 1891) [Толстой 2006: 43].

Сохраняется и ретроспективная тактика, при которой Толстой с осуждением вспоминает своё прошлое, свою молодость: *Я был всю свою молодость, как перекормленный, шальной жеребёнок, странно вспомнить.* (21 октября 1894) [Толстой 2006: 149]. О себе он пишет с осуждением, прибегая к квазиэталону *жеребёнок*, продуцирующему такие смыслы, как необузданная сила, безрассудство, похотливость.

Толстой отмечает, что физические силы, энергия жизни постепенно уходят, он становится слабее, причём это касается не только физического состояния, но и моральных сил, творчества. *Тоска прошла, но энергии жизни нет.* (6 августа 1892) [Толстой 2006: 69]. *Что такое я (организм)? Я какой-то центр, в котором обменивается материя. Быстрота, энергия этого обмена материи совпадает с радостью жизни. Энергия же всё ослабевает, обмен всё замедляется, замедляется и наконец прекращается, и центр переходит в другое место.* (6 ноября 1892) [Толстой 2006: 75].

Предстоящую смерть Толстой воспринимает в светлом, позитивном ключе, как сад. Данная метафора формирует аллюзию к библейской мифологеме райского сада. Эта метафора дополняется лексемами с положительной оценочностью света, простора, свободы. *Приближаюсь к старости, к смерти – силы слабеют, меньше жизни. – Это хорошо. Приближение к старости и смерти, это – приближение из душного помещения к двери, ведущей в цветущий сад. Мы приближаемся толпой, и чем ближе к двери, к выходу, тем больше давка, тем меньше свободы движений. Ближе уже к простору и свету.* (22 мая 1891) [Толстой 2006: 33].

Мысли о смерти Толстой интерпретирует в христианском ключе, идентифицируя себя с частью Бога, разделяя в себе бrenную плоть и бессмертный дух. *Я стареюсь, слабею, болею, чувствую ослабление не только физических, но и умственных сил. Как бы из моей формы жизни, из моего тела уходит вниз та сила, которая наполняла его, как бы тот дух, который наполнял эту куклу. И я боюсь, и мне кажется, что уйдёт, вот уйдёт всё, и я останусь одна оболочка... И где же я? Но ведь тут ошибка в том, что я отождествил себя с этой оболочкой, а не с тем, что её раздувало. Стоит отождествить себя с этим духом, с той силой жизни, которая двигала меня, с той силой, которая заставляла меня мечтать, любить, влюбляться, искать славы, и потом искать добра перед Богом... ...всё, что во мне, через меня, жило, это Бог (вечно разумное, любовное), начало жизни. Оно самое и есть я. ...* (27 мая 1891) [Толстой 2006: 36]. Данная фраза иллюстрирует не только процесс самоидентификации, но и медитации, психотерапии. Толстой как бы готовит себя к предстоящей смерти, борется со страхом, унынием. Эта тактика разворачивается посредством рассуждения, диалога с самим собой, опровержения очевидного тезиса, выдвижения нового, устраивающего личность аргумента.

Идентификация писателя осуществляется через призму его отношения, движения к Богу. Толстой пишет, что Бог в нём самом и в то же время осмысляет себя частью Бога. *Живу чувственно, нечисто. Помогите, Господи! Я запутался, страдаю и не могу. Помогите. Разумеется, помощь во мне, и я взываю к себе в своей божеской природе и через свою божескую природу.* (12 августа 1891) [Толстой 2006: 48]. *Когда неразрешимый вопрос тебя мучает, то чувствуешь себя больным членом какого-то всего здорового тела, чувствуешь себя больным зубом здорового тела, и просишь всё тело помочь одному члену. Тело всё – Бог, член – я.* (12 августа 1891) [Толстой 2006: 49].

Ещё одна тактика самоидентификации – осмысление себя как посланника Божьего промысла. Для Толстого это означает жизнь в соответствии с принципом любви к каждому. *Постоянно вспоминаю, что я посланник и должен делать дело Божие: раздувать в себе искру Божию – любовь, то, что устанавливает Царство Божие в себе, т.е. покорность Ему, слияние с Ним, и Царство Божие вне себя, что часто заражает других, вызывая в них тоже разгорание искры Божией любви.* (26 июня 1894) [Толстой 2006: 123].

Путь к Богу для пишущего не прост. Препятствия, с которыми сталкивается Толстой, также рассматриваются им как объекты, на которые он опирается в процессе самоидентификации. К ним относятся следующие реалии:

1. Комфорт, которым окружён пишущий. Толстой считает условия своей жизни постыдными, вредными, отдаляющими его от Бога. Он противопоставляет своё существование жизни других людей. Собственное бытие он описывает с опорой на оценочные слова: *грустно, гадко, стыдно, мучительно. После обеда грустно, гадко на нашу жизнь, стыдно. Кругом голодные, дикие, а мы...стыдно, виноват мучительно...* (27 июня 1891) [Толстой 2006: 44].

2. Гонорары, которые получает автор дневника за свои произведения. *Очень тяжело мне от Сони. Все эти заботы о деньгах, имени и это полное непонимание.чувствую свои грехи, свою гадость, не стою добра, которым владею, хочу истины и терпения.* (2 июня 1891) [Толстой 2006: 43]. Отношение к получению денег за писательские труды разделило близких писателя. Ключевым словом, характеризующим отношения в семье, становится непонимание. Отказ Толстого от вознаграждения, чувство обременения материальными средствами объективируется оценочными словами *тяжело, гадость* и характеризует пишущего как бескорыстного человека. Владение материальными средствами писатель расценивает как грех. Получение гонораров он отождествляет со страданием и позором. *Не понимает она, и не понимают дети, расходуя деньги, что каждый рубль, проживаемый ими и наживаемый книгами, есть страдание, позор мой.* (14 июля 1891) [Толстой 2006: 44].

3. Похоть. Ещё одним соблазном для Толстого является физическая близость с женщиной. Эту сторону жизни пишущий характеризует с опорой на слова с яркой негативной оценкой: *мерзость, отвращение.* Записи отражают, с одной стороны, полное осуждение пишущим этой стороны жизни, с другой – его бессилие перед этим влечением. *...совокупление есть мерзость, на которую можно смотреть, о которой можно думать без отвращения только под*

влиянием похоти. Даже для того, чтобы иметь детей, не станешь этого делать над женщиной, которую любишь. Пишу это в то время, как сам одержим похотью, с которой не могу бороться. (22 мая 1891) [Толстой 2006: 32].

4. Слава. Дневниковые записи свидетельствуют, что, с одной стороны, Толстой не безразличен к людским похвалам, с другой – он считает их одним из своих врагов, мешающих ему воссоединиться с Богом. Именно поэтому Толстой называет себя фарисеем. Представления о славе отождествляются с такими смыслами, как грязь, похоть, и противопоставляются представлениям о добре, Боге, любви. *Я фарисей: но не в том, в чём они упрекают меня. В этом я чист. И это-то учит меня. Но в том, что я, думая и утверждая, что я живу перед Богом, для добра, потому что добро – добро, живу славой людской, до такой степени засорил душу славой людской, что не могу добраться до Бога. Я читаю газеты, журналы, отыскивая своё имя, я слышу разговор, жду, когда обо мне. Так засорил душу, что не могу докопаться до Бога, до жизни для добра. А надо. Я говорю каждый день: не хочу жить для похоти лично теперь, для славы людской здесь, а хочу жить для любви всегда и везде; а живу для похоти теперь и для славы здесь. (11 февраля 1891) [Толстой 2006: 6].*

5. Трагизм ситуации пишущего определяется тем, что он, по его мнению, находится в неприемлемых для него условиях и вынужден смириться с этими правилами. *...я несу тяжёлую жизнь. Живу я в условиях, обстановке жизни чувственной – похоти, тщеславия, и не живу в этой жизни, тягочусь всем этим: не ем, не пью, не роскошествую, не тщеславлюсь – или хотя ненавижу всё это, и эта ненужная, чуждая мне обстановка лишает меня того, что составляет смысл и красоту жизни: общение с нищими, обмен душевный с ними. (24 марта 1891) [Толстой 2006: 23].* Борьбу с тщеславием Толстой сравнивает с чисткой, поиском какой-то основы, которая представлена метафорой материка. *Буду чистить душу. Чистил и докопал до материка – чую возможность жить для добра, без славы людской. (11 февраля 1891) [Толстой 2006: 6].*

Выделенные аспекты становятся критериями самоидентификации Толстого в данный период. Он осмысляет себя как человека, которому комфорт, деньги, честолюбие и тщеславие, любострастие мешают соединиться с Богом. *Мне тяжело, гадко. Не могу преодолеть себя. Хочется подвига. Хочется остаток жизни отдать на служение Богу. Но Он не хочет меня. Или не туда, куда я хочу. И я рощу. Эта роскошь. Эта продажа книг. Эта грязь нравственная. Эта суета.*

Не могу преодолеть тоски. Главное, хочу страдать, хочу кричать истину, которая жжёт меня. (22 декабря 1893) [Толстой 2006: 105].

Толстой чувствует себя во власти этих, нежелательных для него обстоятельств. Для выражения своих мыслей и чувств он использует метафору паутины, пауками же он считает своих близких, которые, по его мнению, не дают ему возможности соединиться с Богом, истиной. *Должно быть, что я дрянь. Я не могу разорвать всех этих скверных паутин, которые сковали меня. И не от того, что нет сил, а от того, что нравственно не могу, мне жалко тех пауков, которые ткали эти нити. Нет, главное, я дурен: нет истинной веры и любви к Богу – к истине. А между тем, что же я люблю, если не Бога – истину?* (24 января 1894) [Толстой 2006: 109].

Таким образом, самоидентификационные тактики Л.Н. Толстого в дневниках за 1891-1894 годы можно представить в виде следующих пропозиций.

1. Я старею, утрачиваю жизненные силы.
2. Я часть Бога.
3. Я жертва внешних факторов (комфорта, славы, похоти, алчности).

Выделенные тактики мы бы охарактеризовали как негативные, разрушающие и позитивные, вознаграждающие. С одной стороны, пишущий занимается самобичеванием, самоуничижением, с другой – он находит выход для самоуспокоения в интеграции с божественным началом, дающим возможность увидеть смысл и предназначение в жизни. Соответственно обе группы выделенных тактик репрезентируются оценочно и эмотивно маркированной лексикой. Обе тактики являются стабильными для процесса самоанализа в жизни Л.Н. Толстого.

Библиографический список

Галушко Т.Г. К вопросу о духовной рефлексии и саморефлексии // Седьмые Пюхтицкие чтения. Материалы международной научно-практической конференции. СПб: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 158–164.

Леонова Е.В. К вопросу о дискурсивном пространстве формирования и вербализации идентичности // Языковые и культурные контакты: Сб. научн. трудов. Саратов, 2010. С. 68–73.

Лаппо М.А. Сущность идентичности и методы её анализа в лингвистических и психолингвистических исследованиях // Вопросы психолингвистики. 2014. № 19. С. 30–39.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: «Искусство-СПБ», 2000. 704 с.

Радбиль Т.Б. Человеческий фактор в языке: лингвистическая прагматика и теория речевых актов (основные термины и понятия). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2006. 60 с.

Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика. М.: «Радуга», 1983. С. 1–36.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 52. М.: РГБ, 2006.